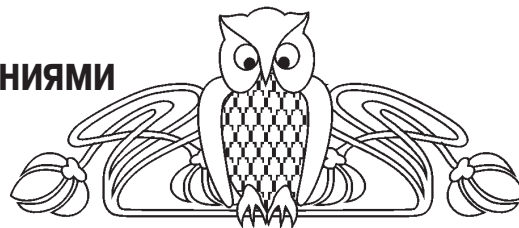

УДК 821.161.1.09+821.161.1.09 –31+929 Довлатов

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ СВЯЗИ ПОВЕСТИ С. ДОВЛАТОВА «ЧЕМОДАН» С ПРОИЗВЕДЕНИЯМИ РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX–XX ВЕКОВ

Г.А. Доброзракова

Поволжский государственный университет телекоммуникаций
и информатики
E-mail: deva_roza@list.ru

Исследуются интертекстуальные связи повести С. Довлатова «Чемодан» с произведениями А. Блока, И. Бродского, Н.В. Гоголя, А.П. Чехова, А. Грина; проводится автоинтертекстуальный анализ, позволяющий рассмотреть связи, существующие между произведениями Довлатова в рамках сверткестового единства.

Ключевые слова: интертекстуальность, абсурд, эстетические принципы, традиции русской классической литературы, второстепенный персонаж, автоинтертекстуальный анализ.

**Intertextual Correlations of the Novel «The Suitcase»
by S. Dovlatov with the Works of the Russian Classical
Literature XIX–XXth Centuries**

G.A. Dobrozakova

The author of this article examines intertextual correlations of the novel by S. Dovlatov «The Suitcase» with works by A. Blok, I. Brodski, N.V. Gogol, A.P. Chekhov, A. Grin, and carries out the auto-intertextual analysis, which allows to consider the correlations between Dovlatov's works within the framework of the super-textual unity.

Key words: intertextuality, absurdity, aesthetic principles, Russian classical literature traditions, secondary personage, auto-intertextual analysis.

Интертекстуальность, то есть присутствие в текстах маркированных следов других текстов в виде цитат, аллюзий или заимствованных художественных приемов, – одна из характернейших черт стиля Довлатова. К исследованию интертекстуальных связей довлатовской прозы литературоведы обращались не раз¹. Тем не менее, далеко не все произведения Довлатова, в том числе повесть «Чемодан» (1986) – образец зрелой прозы писателя, – были рассмотрены с позиций интертекстуального анализа, хотя многие интертекстуальные и ассоциативные связи повести с произведениями русской литературы XX в. (А. Блок «Грешить бесстыдно, непробудно...», И. Ильф «Записные книжки», В. Голявкин «О чемодане», А. Тарковский «Вещи», Д. Кедрин «Есть у каждого бродяги сундучок воспоминаний...», М. Осоргин «Вещи человека», Б. Житков «Что я видел», «Что я нашёл») были намечены в монографии И. Сухих «Сергей Довлатов: время, место, судьба».

Основная тема повести «Чемодан» – абсурдность жизни в Советском Союзе. Композиционной и тематической доминантой произведения

является его заглавие – многозначное, как всегда у Довлатова. Слово «чемодан», вынесенное в название, здесь обозначает не только «вместилище для ручной перевозки вещей»², но и становится в переносном значении «вместилищем» большей части довлатовской (автопсихологический герой повести носит фамилию автора) жизни: «Это было все, что я нашёл за тридцать шесть лет. За всю мою жизнь на родине. Я подумал – неужели это все? И ответил – да, это все»³. А поскольку чемодан был заполнен вывезенными из Советского Союза ненужными вещами, с каждой из которых была связана курьезная или абсурдная история, то чаще всего заглавие интерпретируется как «горькая метафора бессмысленно прошедшей человеческой жизни»⁴. Однако это не совсем так. Прежде всего, потому, что в тексте повести сам автор использует оксюморонное сочетание определений: «пропащая» и в то же время «бесценная, единственная жизнь»⁵. Кроме того, эпиграф, предпосланный к повести: «...Но и такой, моя Россия, / ты всех краев дорожее мне», говорит о том, что, кроме горечи, связанной с осознанием абсурдности русской жизни, автор и его автопсихологический герой испытывали к этой жизни и чувство любви. В качестве эпиграфа, значение которого до сих пор не получило должного толкования, Довлатов берет слова одного из наиболее часто цитируемых в своих текстах авторов – Александра Блока. Последние строки блоковского стихотворения «Грешить бесстыдно, непробудно...» (1914), входящего в цикл «Родина», отсылают читателя к теме всего стихотворения – изображению противоречивого образа России, вызывающей у лирического героя не менее противоречивые чувства. «Блоковский образ России контрастен. Он строится на противопоставлении благочестия и греховности, душевной щедрости и скопидомства, доброты и равнодушия»⁶, – отмечает И. Сухих. Но лирический герой стихотворения принимает свою страну и в неприглядном облике, выражая сложное чувство к своей родине – чувство любви-ненависти. Довлатов заменяет одно слово в блоковской строке: вместо «да» ставит «но», однако это «но» используется не для выражения сомнения, как считает И. Сухих, а по своему прямому назначению – для противопоставления абсурдной русской действительности и глубины, искренности чувств, которые вызывает родная страна: «*Но и такой, моя Россия, / ты всех краев*

дороже мне». К тому времени, когда в эмиграции писалась повесть «Чемодан», Довлатов осознавал, что абсурдна жизнь не только в СССР – абсурдна она и в Америке, откуда «можно эмигрировать только на Луну»⁷, поскольку бежать в поисках совершенного мира и гармонии больше некуда. На протяжении всей своей эмигрантской жизни Довлатов тосковал по родине, о чем писал в письмах к друзьям и в публицистических произведениях: «Начинается день. И я к нему готов. А потом неожиданно вспоминаю:

“В Пушкинских Горах закончился сезон. В Ленинграде дожди... Или заморозки?...”⁸.

«...Если родина отвергла нашу любовь? Унизила и замучила нас? Предала наши интересы?

Тогда благородный человек говорит:

– Матерей не выбирают. Это моя единственная родина. Я люблю Америку, восхищаюсь Америкой, благодарен Америке, но родина моя далеко. Нищая, голодная, безумная и спившаяся! Потерявшая, загубившая и отвергнувшая лучших сыновей! Где уж ей быть доброй, веселой и ласковой?!

Березы, оказывается, растут повсюду. Но разве от этого легче?

Родина – это мы сами. Наши первые игрушки. Перешитые курточки старших братьев. Бутерброды, завернутые в газету. Девочки в строгих коричневых юбках. Мелочь из отцовского кармана. Экзамены, шпаргалки... Нелепые, ужасающие стихи... Мысли о самоубийстве... Стакан “Агдама” в подворотне... Армейская махорка... Дочка, варежки, рейтузы, подвернувшийся задник крошечного ботинка... Косо перечеркнутые строки... Рукописи, милиция, ОБИР... Все, что было с нами, – родина. И все, что было, – останется навсегда...»⁹

Свой жизненный путь Довлатов определяет так: «от Маркса к Бродскому», то есть от жизни в Советском Союзе, основанной на идеях Маркса, до жизни в эмиграции – периода творчества, когда кумиром становится Бродский – художник «созидательного, позитивного направления»¹⁰, как отозвался о нем Довлатов. Имя Бродского в повести «Чемодан» появляется не случайно: его творчество во многом перекликается с довлатовским, Бродский – герой литературных анекдотов Довлатова (таким образом, фамилия Бродского становится в «Чемодане» точечной автоцитатой). А главное, что объединяет этих двух писателей, – общность эстетических принципов и взглядов на роль литературы: по мнению Бродского, «только литература, а никак не философия, не религия и тем более не политика, может воспитать человека как с точки зрения политической, так и с нравственной и духовной точек зрения»¹¹; «мать этики – эстетика»¹². В выступлении «Блеск и нищета русской литературы» Довлатов высказывает подобную же точку зрения: «Когда вы читаете замечательную книгу... вы вдруг отрываетесь на мгновение и беззвучно произносите такие слова:

“Боже, как глупо, пошло и лживо я живу! Как я беспечен, жесток и некрасив! Сегодня же, сейчас же начну жить иначе – достойно, благородно и умно...”. Вот это чувство, религиозное в своей основе, и есть момент нравственного торжества литературы, оно, это чувство, – и есть плод ее морального воздействия на сознание читателя, причем воздействия, оказываемого чисто эстетическими средствами...»¹³

При выборе эстетических, чисто художественных средств Довлатов нередко обращался к традициям русской классической литературы. Так, считая Гоголя первым русским писателем-юмористом, для создания комического эффекта и выражения авторской оценки Довлатов – осознанно или неосознанно – перенимает некоторые приемы своего предшественника. Например, заслуживает внимания довлатовская ономастика, которая во многом сходна с гоголевской (Ю. Манн «странное и необычное в именах и фамилиях персонажей»¹⁴ выделяет как одну из форм выражения странно-необычного, или парадоксального, в творчестве Гоголя). Как и Гоголь, Довлатов использует «игру» имен: странное имя нередко сочетается с обычной фамилией или наоборот. Например, у Гоголя: Никифор Тимофеевич Деепричастие («Иван Федорович Шпонька и его тетушка») – у Довлатова: Фред Колесников («Креповые финские носки»). У обоих авторов многие фамилии содержат в себе «говорящие» элементы. У Гоголя: частный пристав Уховертов, полицейские Свистунов и Держиморда, судья Ляпкин-Тяпкин. У Довлатова: потомок знаменитого Левши, который подковал английскую блоху, – русский умелец Холидей, скульптор Чудновский, генерал Филоненко, помощник бригадира Цыпин (Цыпа).

Для изображения общей обстановки жизненного абсурда в Советском Союзе, когда нормальными считались явления, события и факты, противоречащие логике здравого смысла, автор заимствует другой излюбленный прием Гоголя: введение в повествование большого количества второстепенных персонажей, роль которых не менее, а возможно, более важна, чем роль главного героя. Если в «Мертвых душах» Гоголя «побочные характеры» «оживлены всяческими оговорками, метафорами, сравнениями и лирическими отступлениями»¹⁵, то в довлатовском «Чемодане» почти с каждым из таких персонажей связана какая-нибудь совершенно невероятная, абсурдная история. Состоящая из «Предисловия» и восьми глав, которые, в свою очередь, складываются из отрывков и фрагментов, повесть дает целостную картину русской действительности 60–70-х гг. XX в., подобно тому как «Мертвые души» Гоголя во многом отражают жизнь России первой половины XIX века. Читатель узнает из довлатовской повести о службе в армии, о жизни чиновников, кэгебистов, рабочих, журналистов, писателей, артистов, спекулянтов, заключенных – не случайно

Г. Боева называет «Чемодан» «энциклопедией советской жизни»¹⁶.

По отношению к повести С. Довлатова «Чемодан» целесообразно применение автоинтертекстуального анализа. Использование термина «автоинтертекстуальность» (Н. Фатеева) позволяет не только охарактеризовать тип связей, существующих между произведениями Довлатова в рамках сверткостного единства, но и говорить об интертекстуальных связях его прозы с прозой А.П. Чехова, использовавшего «принцип ситуативного варьирования ряда главных идей, мотивов, ситуаций и персонажей»¹⁷. Связи, существующие между довлатовскими произведениями, эксплицируются при помощи сквозных героев, сохраняющих в разных произведениях единство психологических характеристик, и при помощи многоуровневой системы повторов и текстовых переключек. Повесть «Чемодан» занимает особое положение в этой системе: она связана со всеми написанными до и после нее произведениями Довлатова, героем которых является автопсихологический двойник писателя (Алиханов – Довлатов – Далматов). Именно с позиций автоинтертекстуального анализа конкретизируется мысль И. Сухих о том, что «Чемодан» «можно прочесть... как оглавление довлатовской прозы»¹⁸. Так, к повести «Зона» примыкает глава «Офицерский ремень», представляющая собой историю из жизни лагерной охраны. «Офицерский ремень», в свою очередь, переключается с повестью «Заповедник» («сумасшедшего» зека зовут Толиком, как друга Михал Иваныча; оба Толика произносят одинаковые реплики: «Толик меня зовут», – и одинаково пристрастны к спиртному), с главой «Номенклатурные ботинки» из «Чемодана» (микросюжеты о необычном воровстве в России) и с «Записными книжками» (анекдот «На Иоссере судили рядо-

вого Бабичева»). Кроме того, глава «Офицерский ремень» отражает одну из особенностей довлатовской прозы – ее театральность. Как отмечает Е. Шевченко, «в главе □ Офицерский ремень □ театриализовано даже не одно, а три события. Во-первых, зек разыгрывает помешательство. Во-вторых, рассказчик по просьбе Чурилина сочиняет сцену суда, прописывая все реплики... Наконец, непосредственно на суде персонажи ведут себя совершенно не по написанному»¹⁹ и разыгрывается новое представление.

Из главы «Поплиновая рубашка» читатели узнают об одной из трех версий знакомства автопсихологического героя со своей женой (другие две представлены в повестях «Заповедник» и «Наши»). Глава «Приличный двубортный костюм» переключается с главой «Куртка Фернана Леже» (в главе «Приличный двубортный костюм» автор кратко пересказывает историю подаренной ему куртки – эта история становится основой сюжета в главе «Куртка Фернана Леже»), а также связана с повестью «Компромисс», рассказывающей о компромиссах в журналистской работе, – и общностью темы, и цитатно, и общей деталью (костюм как атрибут представителя похоронных процессий). В главах «Куртка Фернана Леже» и «Зимняя шапка» через «домашние» сюжеты и общих героев (родители, домработница, брат Борис, друзья автопсихологического героя) просматривается связь с главами повести «Наши». Глава «Креповые финские носки» переключается с последней довлатовской повестью – «Филиал» (а через нее – с повестью А. Битова «Сад», посвященной любви Сергея Довлатова и Аси Пекуровской) – не только на мотивном уровне (мотив бедности влюбленного молодого человека), но и с помощью включения в «Филиал» точных и неточных цитат из «Чемодана». Сравним:

«Креповые финские носки» («Чемодан»)» ²⁰	«Филиал»» ²¹
Ася познакомилась меня с друзьями. Все они были старше нас – инженеры, журналисты, кинооператоры...	Круг Тасиных знакомых составляли адвокаты, врачи, журналисты, художники, люди искусства...
Жизнь, которую мы вели, требовала значительных расходов. Чаще всего она ложилась на плечи Асиных друзей. Меня это чрезвычайно смущало. Вспоминаю, как доктор Логовинский незаметно сунул мне четыре рубля, пока Ася заказывала такси...	Жизнь, которую мы вели, требовала значительных расходов. Чаще всего она ложилась на плечи Тасиных друзей... Короче, я болезненно переживал все это. Вспоминаю, как доктор Логовинский незаметно сунул мне четыре рубля, пока Тася заказывала автомобиль...
Я узнал, что такое ломбард, с его квитанциями, очередями, атмосферой печали и бедности. ...Я просыпался с ощущением беды. Часами не мог заставить себя одеться. Всерьез планировал ограбление ювелирного магазина. Я убедился, что любая мысль влюбленного бедняка – преступна.	Я узнал, что такое ломбард, с его квитанциями, очередями, атмосферой печали и бедности. ...Я просыпался с ощущением беды. Часами не мог заставить себя одеться. Всерьез планировал ограбление ювелирного магазина. Я убедился, что любая мысль влюбленного бедняка – преступна.

И, наконец, глава «Шоферские перчатки», повествующая о том, как автопсихологический герой, переодевшись в костюм царя Петра I, снимался в любительском фильме Шлиппенбаха, отражает один из основных мотивов довлатовского творчества – мотив игры, лицедейства, характерный для многих его произведений (в

«Компромиссе» – компромиссы журналистской жизни; в «Зоне» – «представление», в котором зеки – жертвы системы, созданной Лениным и Дзержинским, – не только говорят их монологами и репликами, но и полностью входят в их роли; в «Заповеднике» – подмена любви к Пушкину культом и т.д.). Приведенные наблюдения свиде-

тельствуют о сознательной работе Довлатова над проблемой преобразования всего корпуса прозаических произведений в сверткостное единство, что было характерно для творчества А.П. Чехова, а также для отразившего влияние разностилевых тенденций рубежа XIX–XX вв. творчества А. Грина, а в поэзии – для А. Блока, О. Мандельштама, М. Цветаевой, Б. Пастернака.

Текст повести «Чемодан» впоследствии становится источником интертекстуальной «иррадиации» (Н. Фатеева) для мемуарной прозы Е. Рейна, который строит свои воспоминания «Мне скучно без Довлатова» (1997) с помощью аллюзий на довлатовские произведения. Так, названия глав, повествующих о различных нелепых случаях из жизни Рейна и его друзей: «Шапка из поседевшего волчонка», «Розовая мужская замшевая сумка», «Два итальянских галстука», – ассоциируются с названиями глав довлатовской повести.

Таким образом, интертекстуальные связи повести «Чемодан» способствуют введению довлатовского текста в широкий культурно-литературный процесс.

Примечания

- 1 См.: *Сухих И.* Сергей Довлатов: время, место, судьба. СПб., 1996.; *Вейсман И.* К вопросу об интертекстуальности в прозе С. Довлатова // Филологические этюды. Саратов, 2001. Вып. 4. С. 63–64; *Доброзракова Г.* Мифы Довлатова и мифы о Довлатове. Самара, 2008.
- 2 См.: *Ожегов С., Шведова Н.* Толковый словарь русского языка. М., 1995. С. 867.
- 3 *Довлатов С.* Чемодан // *Довлатов С.* Собр. соч.: в 4 т. СПб., 2004. Т. 3. С. 290.
- 4 *Шевченко Е.* «Театрализованный реализм» С. Довлатова // Литература и театр: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 90-летию со дня рождения Л.А. Финка. Самара, 2006. С. 269.
- 5 *Довлатов С.* Чемодан. С. 289.
- 6 *Сухих И.* Сергей Довлатов: время, место, судьба. С. 194.
- 7 Там же. С. 319.
- 8 *Довлатов С.* Речь без повода... или Колонки редактора. М., 2006. С. 355.
- 9 Там же. С. 108–109.
- 10 *Довлатов С.* На анкету «ИЛ» отвечают писатели русского зарубежья // *Иностр. лит.* 1989. № 3. С. 246.
- 11 *Бродский И.* Большая книга интервью. М., 2000. С. 447.
- 12 Там же. С. 456.
- 13 *Довлатов С.* Блеск и нищета русской литературы // *Довлатов С.* Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. С. 361.
- 14 *Манн Ю.* Творчество Гоголя: смысл и форма. СПб., 2007. С. 102.
- 15 *Набоков В.* Николай Гоголь // *Набоков В.* Приглашение на казнь: Романы, рассказы, критические эссе, воспоминания. Кишинев, 1989. С. 584.
- 16 *Боева Г.* Проявление авторской позиции в изображении города, или «Ленинградский текст» Сергея Довлатова // *Sciences and humanities: современное гуманитарное знание как синтез наук.* СПб., 2003. С. 262.
- 17 *Сухих И.* Проблемы поэтики Чехова. СПб., 2007. С. 110.
- 18 *Сухих И.* Сергей Довлатов: время, место, судьба. С. 203.
- 19 *Шевченко Е.* Указ. соч. С. 270.
- 20 *Довлатов С.* Чемодан. С. 292–293.
- 21 *Довлатов С.* Филиал // *Довлатов С.* Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. С. 76–78.

УДК 821.161.1.09+929 [Державин + Городницкий]

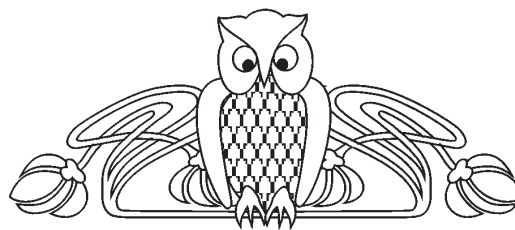
ДЕРЖАВИНСКИЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ В ПОЭТИЧЕСКИХ И МЕМУАРНЫХ ТЕКСТАХ А. ГОРОДНИЦКОГО

В.В. Биткинова

Саратовский государственный университет
E-mail: bitkinova@mail.ru

В статье рассматриваются образ Г.Р. Державина и реминисценции из державинских произведений в песнях, стихотворениях и книгах воспоминаний поэта-барда второй половины XX в. А. Городницкого: способы и функции их вовлечения, связь с актуальными проблемами современности и с образами авторов-современников.

Ключевые слова: Г.Р. Державин, А. Городницкий, Д. Самойлов, Б. Слуцкий, В. Соснора, А. Кушнер, Н.Я. Эйдельман, русская культура XVIII в., бардовская поэзия, песня, стихотворение, мемуары, реминисценции.

Derzhavin's Reminiscences in the Poetic and Memoir Texts of A. Gorodnitsky

V.V. Bitkinova

The article deals with the image of G.R. Derzhavin and the reminiscences from his works being researched in the songs, poems and books of recollections by the singer poet of the second half of the XXth century A. Gorodnitsky: the means and functions of their application, their relation to the pressing issues of today and to the images of the contemporary authors.

Key words: G.R. Derzhavin, A. Gorodnitsky, D. Samoilov, V. Slutskiy, V. Sosnora, A. Kushner, N.Ya. Eidelman, the XVIIIth century Russian culture, bard poetry, song, poem, memoirs, reminiscences.